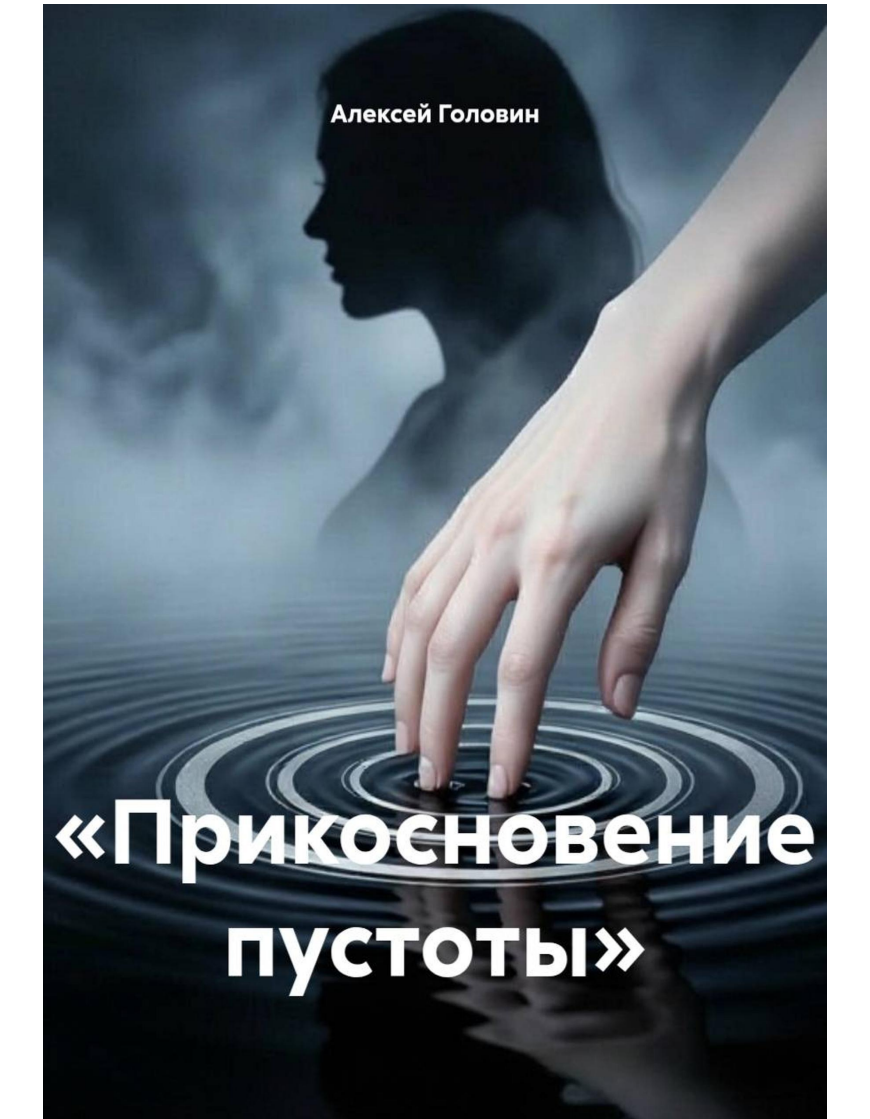

Алексей Головин

«Прикосновение пустоты»

Алексей Головин

«Прикосновение пустоты»

<https://litres.ru/74216933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он проснулся на холодном столе в незнакомом морге. Без памяти. Без имени. Только чёрные пятна на пальцах и запах железа. Его дар — касаться мёртвых и видеть их последние мгновения. Его проклятие — нести их боль, пока не передаст весть. Но когда он находит след матери, пропавшей десять лет назад, он понимает: его собственная смерть — только начало.

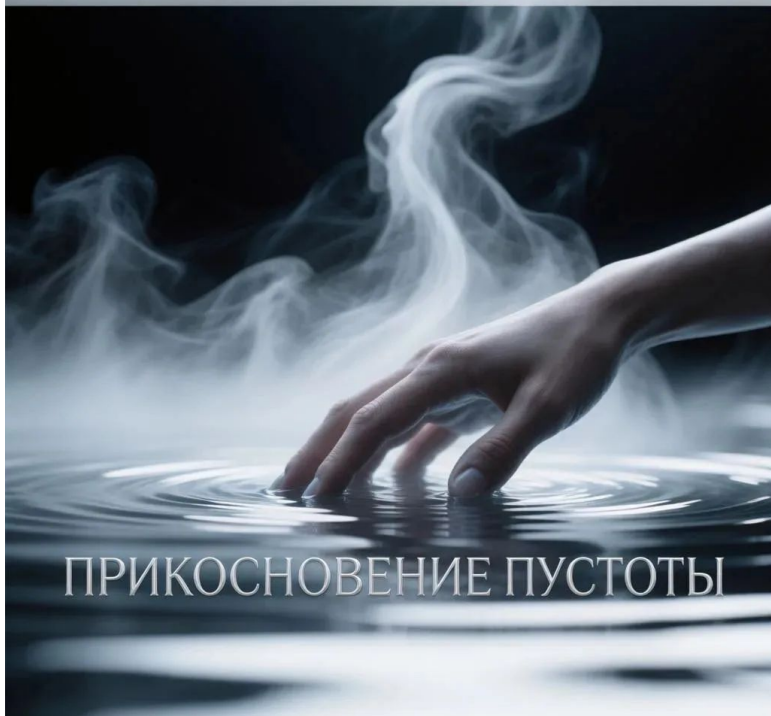
Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	49

«Прикосновение пустоты»

Глава

Дорак Исхаклы Огуле

ПРИКОСНОВЕНИЕ ПУСТОТЫ

Глава 1. Нулевой контакт

Он проснулся от того, что язык примерз к нёбу.

Первое, что он увидел, — собственное дыхание. Белый пар вырывался изо рта и оседал инеем на верхней губе. Второе — свет. Одна лампа под потолком, без абажура, дрожала так, будто её трясла чья-то рука. Третье — запах. Железо. Сырость. И что-то сладковатое, от чего желудок сжался в комок. Он лежал на металлическом столе. Голый. Только на бёдрах — рваная ткань, похожая на больничные штаны. Кожа была белой, почти синей, как у трупа. Он пошевелил пальцами левой руки. Они не слушались. Холод въелся в суставы так глубоко, что казалось — кости стали стеклянными. Только кончики пальцев горели. Там, где подушечки касались металла стола, возникало странное ощущение: не тепло, не холод, а будто ток. Он сел. Голова закружилась, но он удержался, упёршись ладонями в край стола. Железо было шершавым, покрытым тонкой коркой льда. Он поднёс руку к лицу.

На подушечках — чёрные разводы. Не грязь. Что-то другое. Он понюхал. Железо. И мокрое. Он не знал, кто он. Не знал, как сюда попал. Не знал, сколько времени прошло. Но знал одно: это не его кровь.

Он спустил ноги на пол. Бетон был холодным, шершавым, с мелкими камешками, которые впились в подошвы. Он сделал шаг. Второй. Обвёл взглядом комнату. Стены из серого блока. Ни одного окна. Только одна дверь — стальная, мас-

сивная, с круглым штурвалом, как в холодильных камерах.

Он подошёл к ней. Коснулся рукой. Металл обжёг ладонь таким холодом, что он отдёрнул руку. Но через секунду приложил снова — на этот раз всем телом, чувствуя, как холод проникает через кожу, мышцы, до самых рёбер. Он дёрнул штурвал. Тот не поддался. Заперто. Снаружи.

— Эй! — крикнул он. Голос прозвучал глухо, словно его собственное горло было ватой. Никто не ответил.

Он вернулся к столу. Нашёл на полу свои вещи? Нет. Только рваные штаны на нём. Карманы пустые. Ни документов, ни телефона. Ничего.

Он сел на край стола, сжал голову руками. Пальцы скользнули по вискам. Кожа была липкой. Он посмотрел на ладони — кровь. Своя? Он провёл рукой по затылку. Влажно. Он отнял руку, посмотрел — кровь. Свежая. Тёплая. Значит, он был жив. По крайней мере, когда его сюда клали, он ещё кровоточил.

Он закрыл глаза. В темноте перед глазами мелькнула картинка: девушка.

Длинные тёмные волосы. Бледное лицо. Она держит его за руку и говорит: «Ты должен вспомнить. Это единственный способ». Но голос — не её. Голос — его собственный, но старше, глубже.

Он открыл глаза. В комнате ничего не изменилось. Только лампа под потолком перестала дрожать и замерла, будто затаилась.

Он снова подошёл к двери. Приложил ухо к металлу. Тишина. Но в тишине — едва уловимый звук. Капля. Кап-кап. Где-то там, за дверью. Он постучал кулаком. Глухой удар. И вдруг — ответ. Тук. Тук. Тук.

Три удара. Медленных. Ровных. Как если бы кто-то с той стороны бил костяшками по металлу в такт его сердцу.

Он отступил на шаг. Кожа покрылась мурашками, но не от холода. От предчувствия. Лампа снова дрогнула. И погасла.

Темнота. Абсолютная. Такая, в которой даже собственная рука перед лицом становится невидимой. Он задышал чаще — пар изо рта теперь не было видно, но он чувствовал, как влага оседает на верхней губе. Он сделал шаг вперёд, нащупывая стену. Пальцы коснулись шершавого бетона.

Он пошёл вдоль стены, считая шаги. Шесть шагов — угол. Поворот. Ещё четыре — дверь? Нет. Гладкий металл. Он провёл ладонью — это был шкаф. Нашёл ручку, дёрнул. Открылось. Внутри — пусто. Только запах формальдегида и старого железа.

Он закрыл шкаф. Снова шаг. И в этот момент — звук. Шаги. С той стороны двери. Тяжёлые. Медленные. Остановились прямо перед штурвалом. Он замер. Не дышит. Слышит, как кровь стучит в висках — ровно и глухо. Тот самый ритм.

Металлический щелчок. Штурвал начал поворачиваться. Медленно. С протяжным скрипом. Он отступил в угол. Прижался спиной к стене. Сердце колотится так, что грудь начи-

нает болеть.

Дверь открылась. В проёме — свет. Слепящий. Белый. И силуэт. Человек. В белом халате. В руках — планшет. Голос — сухой, спокойный, как у диктора прогноза погоды:

— Проснулись. Хорошо. Я — доктор. Не бойтесь. Вы в безопасности. Вы были без сознания три дня. У вас амнезия. Ваше имя — Александр. Но вы его не помните. И это нормально. Мы вас вылечим. Ответьте на один вопрос. Что вы почувствовали, когда коснулись металла?

Он — Александр? Он не знал. Но в голове всплыло чужое, навязчивое:

«Прикосновение к металлу — это всегда возврат».

Он сглотнул. Во рту — привкус ржавчины и холода.

— Я почувствовал, — сказал он, — что там, за металлом, кто-то есть. И он тоже меня чувствует.

Доктор улыбнулся. Улыбка была неестественной, как у манекена.

— Отлично, — сказал доктор. — Теперь вы готовы к процедуре.

Доктор сделал шаг вперёд. За его спиной — коридор. Длинный. Белый. С лампами дневного света. И в конце коридора — ещё одна дверь. Открытая. За ней — темнота.

Александр не двинулся с места. Он смотрел на доктора, на его руки. На левом запястье — татуировка. Цифры. Координаты. Он уже видел такие. Во сне? Или наяву?

Он спросил:

— Что за процедура?

Доктор наклонил голову, будто слышал глупый вопрос.

— Возвращение, — сказал он. — Вы вернётесь к себе.

Только для этого вы

должны коснуться того, чего боитесь больше всего.

— И что это?

Доктор указал пальцем в конец коридора, туда, где открытая дверь вела в

темноту.

— Там ваше прошлое. Идите.

Александр шагнул. Сделал первый шаг из камеры. Ноги ступали по холодному линолеуму. Он прошёл мимо доктора — тот не двинулся с места, только следил за ним взглядом.

Он шёл по коридору. Лампы над головой гудели, но звук был неестественным — как запись. Всё вокруг — слишком белое. Слишком стерильное. Без запахов. Без жизни. Он дошёл до открытой двери. Заглянул внутрь. Там была комната. Такая же, как та, откуда он пришёл. Тот же стол. Та же лампа. Но на столе — зеркало. И в зеркале — он. Но не тот, что сейчас. Другой. С чёрными глазами, без белков. Он подошёл к зеркалу. Протянул руку. Пальцы коснулись холодного стекла. И в этот момент зеркало треснуло.

Из трещины потянулся дым. Серый. Густой. Запахло палёным. И голос — тот самый, из сна — сказал: «Ты уже мёртв, Александр. Ты не помнишь, но ты умер три дня назад. Всё, что ты видишь — это не больница. Это предсмер-

тие. Ты должен выбрать: остаться здесь или коснуться себя настоящего и вернуться».

Он отдёргнул руку. Дым рассеялся. В зеркале — он. Обычный. Испуганный. С капелькой крови на виске.

Он повернулся назад. Коридор пуст. Доктор исчез. Только та дверь с штурвалом осталась открытой, и из неё доносится тот самый звук — кап-кап-кап. Он выдохнул. Пар изо рта — белый, густой. Холод усилился. И он понял: ему некуда идти, кроме как вперёд. Сквозь темноту. Навстречу тому, кто стучит в такт его сердцу.

Глава 2. «Холодный порог»

Александр шагнул в темноту.

Дверь за ним закрылась сама — без скрипа, без щелчка, просто перестала существовать. Он обернулся — стена. Гладкая, бетонная, без единой щели. Ни двери, ни окна. Только он и коридор, который уходил вперёд. Узкий, метра два шириной, с высоким потолком, которого не видно. Стены — голый бетон, но неровный, будто их долбили кувалдой. Пол — холодная плитка, мокрая, скользкая. С каждым шагом подошвы издавали чавкающий звук.

Запах. Плесень, сырость, и тонкая, едва уловимая нота старой крови. Не свежей — той, которая въелась в стены десятилетия назад. Он остановился. Прислушался. Тишина стояла такая, что он слышал, как кровь движется по сосудам. И в этой тишине — снова шаги. Сзади. Медленные, тягучие. Он резко обернулся — никого. Но звук не прекратился. Ша-

ги приближались.

Он пошёл быстрее. Почти побежал. Плитка под ногами становилась всё более скользкой, и он несколько раз чуть не упал, хватаясь за стены. Руки скользили — стены были покрыты тонким слоем влажной слизи.

Он вошёл в тупик.

Прямо перед ним — стена. Серая, грубая, с выбоинами. На уровне лица —

надпись, выцарапанная чем-то острым. Он поднёс ладонь к надписи, провёл

пальцами по буквам. Холодные, неровные, с острыми краями. Он прочитал

вслух:

— «Они чувствуют тебя, когда ты их касаешься».

Руки задрожали. Не от холода. От того, что эти слова — он их уже слышал. Или читал. Но где? И когда?

Он повернулся назад. Путь был перекрыт. Вместо коридора теперь стояла другая

стена. Мгновенно. Бесшумно. Будто её всегда там и не было.

Он забил кулаками по бетону. Тупо, с глухим звуком, отдающим в локти. Без

результата. Кожа на костяшках лопнула, выступила кровь — тёплая, липкая, вязкая. Он поднёс руки к лицу. Кровь имела странный запах — сладковатый, как у прокисших

фруктов. Не его запах.

Он прижался спиной к стене и медленно сполз на пол. Сел. Ноги подогнулись.

Он обхватил колени руками. Холод от плитки пробивался через штаны, впивался в кожу ягодиц, поднимался к поясице.

— Кто здесь? — спросил он в темноту.

Ответа не было.

Он закрыл глаза. В темноте за веками начали всплывать образы. Мозаика. Не

чёткая, как воспоминания, — рваная, как старая плёнка.

Красное. Женский крик. Стекло бьётся. Он стоит на дорожке, в ночи, перед

машиной с выбитыми фарами. Рядом на асфальте лежит тело. Он подходит.

Наклоняется. Коснуться? Нет. Он не успевает. Рука, которая хватает его за плечо.

Чья-то рука. Мужская. С татуировкой координат на запястье.

Он открыл глаза. Сердце колотилось с такой силой, что грудная клетка ходила

ходуном. Он глотнул воздух. Во рту — привкус той же сладковатой крови.

— Ты видишь её? — раздался голос. Тот же, что из зеркала. Сухой, без эмоций.

Но теперь он звучал не внутри головы — он шёл из стены.

Александр вскочил. Заметался по клетушке, ощупывая стены. Гладкие. Везде

гладкие. Только та надпись — и больше ничего.

— Кто ты? — крикнул он.

— Я тот, кто знает, зачем ты здесь, — ответил голос. —

Но ты должен коснуться

её, чтобы вспомнить.

— Кого?

— Лиану.

Имя обожгло мозг. Лиана. Он знал это имя. Знал, как она пахла — мокрой

тканью и чем-то сладким. Знал, как звучал её смех — хрипловатый, надрывной.

Но он не мог вспомнить её лицо. Только тени. Только смутные контуры в темноте.

— Где она? — спросил он, сжимая руки в кулаки.

— Здесь. Ты уже коснулся её следов. На столе. На стенах.

В надписи. Теперь

коснись себя.

Александр поднял руки. Подушечки пальцев всё ещё были чёрными. Он провёл

большим пальцем по указательному. Чёрный налёт не стирался — он будто

въелся в кожу.

— Что это? — спросил он, хотя боялся ответа.

— Смерть, которую ты нёс, но не отдал. Она осталась на тебе. Ты не можешь

умереть, пока не передашь её другому. Или не примешь сам.

Он опустил руки. Слёзы? Нет. Глаза сухие — слишком холодно для слёз.

Он снова сел. В этот раз — на корточки, обхватив колени, чтобы сохранить

остатки тепла. Он закрыл глаза. И начал вспоминать насильно. Не образы —

ощущения. Холодный ветер. Он стоит на мосту. Под ним — река. Лёд ещё

тонкий. Он держит кого-то за руку. Рука холодная, как ледяная рыба. Кожа на её

пальцах начинает отслаиваться. Она смотрит на него и говорит: «Ты обещал, что

не дашь мне упасть». И он разжимает руку.

— Нет! — он вскочил, ударившись головой о стену.

Глаза открылись. Он стоял в другой комнате. Свет. Тусклый, желтоватый, от

одной лампы на потолке. Вокруг — стеллажи с книгами. Тысячи книг. Старые, с

выцветшими корешками, некоторые в плесени.

Посередине комнаты — круглый стол. На столе — раскрытый дневник. И рядом

— рука. Женская. Отрезанная. Но не истлевшая — све-

жая, с синими пальцами, в
кольце с бирюзой.

Александр подошёл к столу. Взял руку. Кожа была холодной, гладкой, как воск.

Он поднёс её к лицу. Запах — те же ноты, что и в коридоре. Он перевернул

руку. На запястье — координаты.

Те же, что он видел на докторе.

Он открыл дневник. Первая страница. Знакомый почерк — мелкий, острый, с наклоном влево.

Он прочитал:

«Если ты это читаешь — значит, ты мёртв или почти мёртв. Я оставила эту руку

как ключ. Коснись её, и ты услышишь мои слова. Не бойся — она уже не

причинит боль. Только холод. Но холод — это начало. Запомни: когда ты

касаешься мёртвого, ты чувствуешь его жизнь, а не смерть. Это единственный способ вернуться».

Александр сжал руку в своей ладони.

И всё вокруг исчезло.

Только голос Лианы — хриплый, живой — сказал ему в самое ухо:

— Ты опоздал на три дня, Саша. Но я знала, что ты вер-

нётся.

Глава 3. «Голос изнутри»

Голос Лианы затих так же внезапно, как возник. Александр стоял посреди

пустой комнаты, сжимая в руке отрезанную женскую кисть, и чувствовал, как

холод от неё поднимается по запястью, проникает в кости, добирается до локтя.

Он попытался разжать пальцы — не смог. Мышцы не слушались. Рука Лианы

приросла к его ладони, будто их соединили клеем. Или чем-то более древним.

— Отпусти, — сказал он вслух.

Ничего не произошло. Только холод стал сильнее. Он посмотрел на свою руку

— пальцы побелели, ногти начали синеть. Ещё немного — и начнётся некроз.

Он знал это чувство. Где-то в глубине памяти мелькнула картинка: он сидит в

машине, смотрит на свои руки, покрасневшие от мороза, и кто-то рядом

говорит: «Если не согреешь — потеряешь пальцы».

Он закрыл глаза. Сделал вдох. Холод обжёг гортань. Выдох — пар вырвался из

рта густым облаком. Он снова открыл глаза, перевёл взгляд на дневник. Быстро

пролистал страницы. Большая часть была пустой. Только на последней странице

— ещё одна запись, сделанная той же рукой, но торопливее, нервно:

«Они ищут меня. Я спрятала тело в том месте, где мы встретились. Там, где

пахнет мокрым железом и солью. Если ты сможешь найти его — ты сможешь

найти меня. Но осторожно: мертвецы не всегда хотят, чтобы их находили».

Александр захлопнул дневник. Рука Лианы наконец отпустила его ладонь — она

просто упала на стол, как сухая ветка, и застыла в неподвижности. Он выдохнул

с облегчением, но холод в пальцах остался.

Он оглядел комнату. Тысячи книг на стеллажах. Он подошёл к одному из них, провёл пальцем по корешкам. Кожа-ные, потрескавшиеся, с золотым тиснением, которое давно стёрлось. Он вытащил одну книгу наугад. Открыл. Страницы были покрыты не печатным текстом, а рукописным, таким же мелким, как в дневнике, но незнакомым почерком. Корявые буквы, словно писал ребёнок.

Он прочитал несколько строк:

«Тот, кто касается мёртвого, становится мостом. Но мосты всегда разрушаются.

Задача — успеть перейти на другую сторону до того, как

пролёт обрушится».

Он закрыл книгу и поставил на место. Что за чертовщина? Библиотека мёртвых?

Или собрание психотических записей?

Его внимание привлёк звук. Снова капли. Но теперь они падали не за стеной —

где-то рядом, в углу комнаты. Он обернулся. В углу, за одним из стеллажей, обнаружилась ещё одна дверь — деревянная, обитая железными полосами, с массивной ручкой в виде волчьей головы. Он подошёл к ней. Коснулся волчьей пасти — холодный металл, на зубах — налёт ржавчины, но не красной, а чёрной, будто от крови, которая высохла и почернела. Он нажал на ручку. Дверь не поддавалась. Заперта. Он дёрнул сильнее — без толку.

Тогда он приложил ухо к двери. Сначала тишина. Потом — шаги. Мягкие, крадущиеся. Кто-то был там, внутри. Он постучал костяшками. Те три удара, которые он слышал в первой камере.

Ответ последовал мгновенно. Тук. Тук. Тук. В точности такие же. Те же интервалы. Он отшатнулся. Сердце забилось быстрее. Холод в пальцах превратился в покалывание, будто кровь начала оттаивать.

— Кто ты? — спросил он, прижимаясь лбом к дереву.

С той стороны раздался голос. Детский. Тонкий, ломкий, почти невесомый.

— Ты принёс руку?

Александр оглянулся на стол. Рука Лианы лежала там, безжизненная, с кольцом, тускло блестевшим в свете лампы.

— Да, — ответил он.

— Хорошо, — сказал детский голос. — Тогда открой дверь. Ключ — в этой руке. На кольце. Поверни его в левую сторону три раза, а потом нажми на волчий глаз.

Александр вернулся к столу, поднял руку Лианы. Кольцо с бирюзой действительно было странным — на нём была едва заметная прорезь, похожая на ключевую скважину. Он попытался снять кольцо — оно не снималось.

Пришлось нести всю руку к двери.

Он вставил кольцо в прорезь на волчьей голове. Подошло идеально. Повернул

три раза влево. Внутри двери что-то щёлкнуло. Затем нажал на глаз волка. Тот с

глухим стуком ушёл внутрь. Дверь открылась. За ней — не комната. Лестница.

Узкая, винтовая, с каменными ступенями, покрытыми льдом. Ступени уходили

вниз — и внизу горел тусклый свет. Оранжевый, колеблющийся, как от свечи.

Александр перешагнул порог. Сделал первый шаг вниз. Подошва скользнула, он

едва удержался, схватившись за стену. Стена была влажной, с мелкими

кристалликами соли. Лизнул палец — солёная. Как мор-

ская вода.

Он спускался медленно, считая ступени. Семь. Двенадцать. Девятнадцать. На

двадцать седьмой ступени он увидел площадку. И на ней — тело.

Женское. Лежит на спине, руки сложены на груди. Глаза закрыты, лицо

бледное, но не синее, как у трупа. Она спала. Или притворялась.

Александр подошёл ближе. Остановился в двух шагах. Рассмотрел лицо.

Длинные тёмные волосы. Бледные губы. Чёрное платье, мокрое от соли. Он её не узнавал. Но внутри что-то дрогнуло, как струна.

Он опустился на колени рядом с ней. Протянул руку, коснулся её щеки. Кожа

была не холодной, не горячей — она была именно той температуры, что и его

пальцы. Как будто они были одним целым.

Она открыла глаза. Серые, мутные, с поволокой.

— Саша, — прошептала она.

— Ты Лиана?

— Нет, — ответила она, и в её голосе послышалась та же детская интонация, что

слышалась за дверью. — Я её дочь. Она мертва уже десять лет. А ты — тот, кто

должен был её спасти.

Александр отдернул руку. Десять лет? Но он был в морге — только что. Или не

только что? Он перестал понимать, где реальность, а где — сон.

— Я не знаю, кто ты, — сказал он, поднимаясь. — И кто я. Девушка села. Её платье зашуршало о камень.

— Ты — Александр, — сказала она. — Ты пришёл сюда, чтобы вернуть себе

память. И чтобы отдать свой долг. Моя мать ждала тебя десять лет. Теперь ты

здесь. Не уходи, — она протянула руку к нему, и её ладонь коснулась его

ладони, — иначе ты умрёшь по-настоящему. А это больно.

Он не отдернул руку. Он держал её и чувствовал — не холод, не тепло, а странное электрическое покалывание, которое разливалось по всему телу, заставляя каждый мускул напрячься.

— Что я должен сделать? — спросил он.

Девушка улыбнулась. Улыбка была пугающей — не естественной, а растянутой, как на маске.

— Ты должен коснуться того, что оставила она. Коснуться смерти, — она сжала

его пальцы. — И принять её. Только тогда ты вспомнишь.

Она поднесла его руку к своей груди. Там, на её платье,

прямо над сердцем, была пришита красная нитка, а на ней — такой же кулон с бирюзой, как на кольце.

— Коснись, — сказала она.

Александр колебался. Но холод внутри него, тот самый, который начался с

пальцев, уже добрался до груди и сжимал её так, что дышать было тяжело.

Он коснулся. Мир погас. Вспышка.

И он увидел себя — маленького мальчика, стоящего на берегу моря, держит за

руку женщину. Она смеётся. Он смеётся. А вокруг пахнет солью, мокрым

железом и свободой.

Он открыл глаза.

Он был на том же месте. В той же камере. Но теперь он знал, кто он.

Александр, мальчик, который потерял мать на побережье десять лет назад.

И её звали Лиана.

Глава 4. «Материк»

Александр стоял в той же камере. Свет лампы дрожал, но теперь он не замечал

этого. Внутри — пустота. Не холодная, не тёплая — никакая. Как будто

воспоминание о матери вынуло из него все чувства, оставив только голую

структуру: кости, сухожилия, страх.

Девушка исчезла. На полу — только влажный след от её платья и кольцо с

бирюзой. Он нагнулся, поднял его. Металл был тёплым, почти горячим — не как

в первый раз. Он надел кольцо на палец. Оно село идеально. Будто ждало его.

Он огляделся. Камера больше не была знакомой. Стены из серого бетона

сменились на каменные, грубо обработанные, с выбоинами и пятнами соли. В

углу — деревянный сундук, окованный железом, покрытый ржавчиной. На

крышке — та же надпись, что и раньше: «Они чувствуют тебя, когда ты их касаешься».

Он открыл сундук. Внутри — не вещи. Папки. Толстые, потрёпанные, с

выцветшими корешками. Он вытащил одну. На обложке — надпись от руки:

«Дневник наблюдений. Объект 7. Лиана В.».

Он пролистал. Схемы. Рисунки. Какие-то формулы. Фотографии — чёрно-белые, нечёткие, на которых угадывались лица. Он узнал один снимок. На нём — женщина. Тёмные волосы. Серые глаза. Она держит на руках младенца. Он перевернул фото. На обороте — дата и подпись: «Лиана и

Александр, 1997 год».

Он замер. Значит, это правда. Она его мать. И он не просто так оказался здесь. Он искал её. Но зачем? И почему он её не помнил?

Звук. Снова шаги. На этот раз — снаружи. Не крадущиеся, не детские. Тяжёлые, уверенные, с металлическим отзвуком. Ботинки по каменному полу.

Александр захлопнул сундук, присел за ним, затаился. Дверь камеры открылась

без скрипа. Вошёл человек. Высокий, широкоплечий, в чёрном плаще. Лицо

скрыто капюшоном. В руке — фонарь, который бьёт белым лучом по стенам.

Человек остановился у стола. Провёл рукой по поверхности, поднёс пальцы к

носу, понюхал. Затем повернулся к сундуку.

— Выходи, — сказал он глухо. — Я знаю, что ты здесь.

Александр не двинулся. Но человек уже шагнул к сундуку, нагнулся, заглянул

внутри. Их взгляды встретились. Глаза у человека были светлые, почти белые, без зрачков.

— Ты взял кольцо, — сказал он, не спрашивая. — Ты коснулся её. Теперь ты

связан. Это необратимо.

— Кто ты? — спросил Александр, выпрямляясь.

— Хранитель, — ответил человек. — Я слежу за теми, кто

переходит грань.

Лиана перешла её десять лет назад. Ты — её наследник. И ты должен завершить то, что она начала.

— Что именно?

Хранитель достал из-под плаща книгу. Толстую, в чёрном кожаном переплёте, с

металлическими уголками. Протянул её Александру.

— Это её последняя запись. Здесь — координаты места, где она спрятала тело. Не

её тело, а тело той, которую она убила, чтобы спасти тебя.

Александр взял книгу. Пальцы дрожали. Он открыл первую страницу. И узнал почерк. Мелкий, острый, тот самый.

«Если ты читаешь это, значит, я уже мертва. Но я не умерла по-настоящему — я

стала мостом. Я коснулась смерти и приняла её. Теперь ты должен сделать то же

самое. Или ты умрёшь, не поняв, зачем жил. Ищи тело на старом кладбище под

сосной. Там, где пахнет солью, даже если нет моря. И не бойся касаться. Это — единственный способ».

Александр поднял глаза. Хранитель исчез. Только дверь осталась открытой, и за

ней — коридор. Длинный, с высоким потолком, как в

больнице.

Он шагнул в коридор. Пошёл вперёд. С каждым шагом температура падала. Он

слышал, как его собственное дыхание превращается в пар, а пальцы на руках начинают неметь.

Он вошёл в лифт. Огромный, старый, с металлическими решётками. На кнопках

— только одна. «Подвал». Он нажал. Лифт дёрнулся и начал спускаться.

Медленно, со скрежетом, который разрывал тишину.

Он вышел на этаже, где пахло сырой землёй, глиной и чем-то сладким. Как в

той комнате с дневником. Он шёл по коридору, мимо дверей, за которыми

ничего не было слышно. Ни звука. Ни шагов. Ни даже капель.

Он остановился перед последней дверью. На ней — табличка: «Морг № 3. Не

входить без разрешения». Ручка — из латуни, холодная, но не обжигающая. Он

толкнул дверь. Внутри — стеллажи с телами. Покрытые белыми простынями. Он

подошёл к ближайшему. Дёрнул простыню. Пусто. Следующий. Тоже пусто.

Дошёл до третьего. Сдёрнул ткань. На столе лежала жен-

щина. Молодая, лет

тридцати. С тёмными волосами. Такая же, как на фото. Лиана. Его мать.

Она выглядела так, будто спала. Кожа бледная, но тёплая на ощупь, когда он

коснулся её руки. Грудь не вздымалась. Но пульс. Он приложил пальцы к её

запястью. Слабый, почти неощутимый. Она была жива. Или почти жива.

— Мама, — прошептал он.

Она не ответила. Но в углу комнаты, на стуле, сидела та самая девушка — его

сестра. Она улыбалась, но в этот раз улыбка была живой, тёплой.

— Ты пришёл, брат, — сказала она. — Теперь мы можем её забрать.

Он посмотрел на мать, на сестру, на свои руки. Пальцы всё ещё были синими.

Но он чувствовал, как холод начинает уходить. Как тепло разливается по венам, возвращая его к жизни.

— Что мне делать? — спросил он.

— Возьми её руку, — сказала сестра. — Сожми её. И скажи, что ты помнишь.

Он сжал руку матери. И сказал:

— Я помню. Ты — моя мама. Ты — Лиана. И я люблю тебя.

Глаза Лианы открылись. Серые, мутные, но живые. Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Сашенька, — прошептала она. — Ты пришёл.

Он заплакал. Слёзы были горячими, соль щипала кожу. Холод исчез окончательно. Внутри — только одно желание: никогда не отпускать её руку.

Глава 5. «Соль на губах»

Лиана села на столе. Её движения были медленными, как у человека, который не пользовался мышцами десять лет. Она повернула голову к дочери, потом к Александру. Улыбнулась снова — тёплой, настоящей улыбкой, от которой у него защипало в глазах.

— Ты вырос, — сказала она. — Ты стал таким же, как отец.

— Отца я не помню, — ответил Александр, помогая ей спуститься с металлического стола. Её ноги дрожали, она опиралась на его плечо, и он чувствовал, как холодная кожа постепенно нагревается под его ладонью.

— Ты его не помнишь, потому что он умер до твоего рож-

дения, — Лиана

перевела взгляд на девушку в углу. — А ты, Настя, зачем привела его сюда? Я же

просила тебя не вмешиваться.

Девушка встала со стула. На вид ей было шестнадцать, но глаза — старые, усталые, как у человека, пережившего войну.

— Он сам пришёл, мама. Я ничего не делала. Он коснулся твоей руки в том морге. Он помнил.

Лиана закрыла глаза на секунду, потом открыла. В них появилась тревога.

— Если он коснулся меня, значит, система узнала. Они уже знают, что я жива.

Нам нужно уходить. Сейчас же.

— Кто «они»? — спросил Александр, сжимая её плечи, чтобы она не упала. —

Кто держал тебя здесь?

Лиана покачала головой:

— Институт. Те, кто изучает переход. Они используют людей как мосты между

жизнью и смертью. Я была у них экспериментом. Они хотели понять, можно ли

вернуть умершего через прикосновение живого. И я стала их первым успешным

случаем. Но я сбежала. Вернее, они позволили мне сбежать, чтобы проверить, как долго я продержусь без подпит-

ки. Ты стал моей подпиткой. Ты коснулся меня — и я ожила.

Александр отшатнулся. Его руки дрожали.

— Я был просто батареей?

— Нет, — твёрдо сказала Лиана. — Ты — мой сын. И ты единственный, кто мог

меня вернуть. Потому что ты любил меня. Это не подпитка. Это — спасение.

Настя подошла к ним, взяла мать за свободную руку.

— Нам нужно идти. У нас есть двадцать минут, пока они не запечатали выходы.

Они вышли из морга. Коридор был пуст, но лампы начинали мигать. Где-то

вдалеке завывала сирена. Низкая, тягучая, как вой раненого животного.

— Они знают, — сказала Лиана. — Бежим.

Они побежали. Александр поддерживал мать, её ноги ещё не слушались, она

спотыкалась, но не останавливалась. Настя бежала впереди, открывая двери.

Они влетели в лифт. Двери закрылись. Лифт дёрнулся вверх.

— Куда? — спросил Александр.

— На поверхность, — ответила Настя, нажимая кнопку.
— Там нас ждёт машина.

Лифт шёл слишком медленно. Сирена становилась громче. Александр смотрел

на цифры над дверями: 3... 5... 7... 10... Лифт остановился на одиннадцатом

этаже. Двери не открылись. Свет погас.

— Они отключили питание, — прошептала Лиана.

Темнота. Тишина. Только их дыхание и звук, который приближался сверху.

Шаги. Тяжёлые, металлические.

— Я открою дверь, — сказал Александр и начал раздвигать створки руками.

Металл поддавался с трудом, но он втиснул пальцы в щель, рванул. Створки разъехались на полметра.

Он вылез первым, помог матери, потом сестре. Они оказались в пустом

вестибюле. Большие стеклянные двери на улицу — но за ними не светило

солнце. Там был туман. Густой, белый, клубящийся у самого порога.

— Это они, — сказала Настя. — Туман — их пелена. Если мы войдём в него, мы можем потеряться.

— Лучше, чем остаться здесь, — ответил Александр и толкнул дверь.

Они шагнули в туман. Холод обжёг кожу. Пар вырывался изо рта, смешиваясь с

клубами белой мглы. Они двигались вперёд, держась за

руки. Александр — в

центре, мать и сестра — по бокам.

Они не слышали сирены. Только собственное сердцебиение. Только шёпот.

Множество голосов, которые говорили одновременно:

— Не уходи. Ты ещё не завершил переход. Коснись нас.

Коснись смерти.

Коснись. Коснись.

Александр сжал руки матери и сестры сильнее.

— Игнорируйте, — сказал он. — Это — тактильный обман. Я знаю эту

технику. Они пошли быстрее. Туман редел. Показались силуэты деревьев.

Дорога. И машина — старый чёрный джип, припаркованный у обочины. На

капоте сидел человек. В чёрном плаще. Тот самый Хранитель.

Он поднялся, когда они приблизились.

— Вы сделали первый шаг, — сказал он. — Но это не победа. Это только начало.

Лиана, ты знаешь, что ты не сможешь жить как обычный человек. Ты — мост.

Ты будешь видеть мёртвых, слышать их, чувствовать их прикосновения. Ты

никогда не будешь одна. Никогда.

Лиана кивнула:

— Я знаю. Я приняла это десять лет назад.

— А ты, Александр, — Хранитель посмотрел на него. —

Ты теперь тоже часть

системы. Ты коснулся её и оживил. Ты нёс её холод, и ты передал ей своё тепло.

Теперь вы связаны навсегда. Если она умрёт — ты умрёшь. Если ты умрёшь —

она выживет. Это — плата.

Александр смотрел на мать. Она улыбнулась ему, как тогда, на берегу моря. Той

же улыбкой.

— Я согласен, — сказал он. — Я буду нести это. Ради неё.

Хранитель кивнул и исчез в тумане.

Они сели в машину. Настя за руль. Лиана и Александр — на заднем сиденье. Он положил голову ей на плечо и закрыл глаза. Чувствовал её руку, поглаживающую его волосы, чувствовал запах — мокрой ткани и соли. Тот же, что снился ему все эти годы.

— Мы поедem к морю, — сказала Лиана. — Я тебе всё расскажу. И мы будем

жить. Настоящей жизнью. Со всеми её прикосновениями.

Глава 6. «Шёпот стен»

Они ехали два часа. Туман остался позади, уступив место серому осеннему небу

и бесконечным полям, покрытым сухой травой. Александр дремал на плече у

матери, но сон был липким, тревожным. Ему снились руки. Много рук. Они

тянулись к нему из стен, из земли, из воздуха. Пальцы были холодными, синими, с обломанными ногтями. Они касались его лица, шеи, плеч. Не больно, не страшно — просто настойчиво, как будто просили о чём-то.

Он проснулся от того, что машина остановилась. Настя заглушила двигатель.

Они стояли у старого деревянного дома у самого моря. Волны бились о берег, и ветер доносил солёные брызги до крыльца. Дом выглядел заброшенным: облупившаяся краска, покосившаяся дверь, несколько окон заколочены досками.

— Мы здесь, — сказала Лиана. — Это наш дом. Твой дом, Саша. Мы жили здесь до того, как я ушла.

Александр вышел из машины. Ноги подкосились — он слишком долго сидел.

Ветер ударил в лицо, влажный, холодный, но не противный — живой. Он

вдохнул полной грудью и почувствовал, как внутри разливается странное спокойствие.

Он подошёл к двери. Коснулся ручки. Дерево было шершавым, с заусенцами, но

тёплым — будто дом ждал его. Он толкнул дверь. Она открылась с протяжным

скрипом.

Внутри пахло пылью, сухими травами и чем-то ещё — чем-то сладковатым, что

он уже научился распознавать. Привкус старой крови, въевшейся в доски. Он

оглянулся на мать.

— Здесь кто-то умер, — сказал он не вопросом, утверждением.

— Да, — ответила Лиана, входя следом. — Мой муж. Твой отец. Он умер на этом полу, когда ты был ещё в животе. Я пыталась его спасти. Касалась его, держала за руку, звала врачей. Но он не вернулся. Тогда я поняла, что прикосновение может не только оживлять, но и прощаться.

Александр опустился на колени. Пол был холодным, с мелкой щербинкой. Он провёл ладонью по дереву. И вдруг — вспышка.

Он увидел отца. Молодого, усатого, с добрыми глазами. Тот лежал на полу, весь в крови, и Лиана держала его за руку. Она плакала. Отец открыл глаза и прошептал: «Не дай ему забыть меня. Пусть он знает, что я любил его». И закрыл глаза.

Александр отдёргнул руку. Дрожь пробежала по телу. Он посмотрел на ладонь — на ней остались чёрные следы. Как в том морге.

— Ты видела? — спросил он, повернувшись к матери.

— Да, — ответила она. — Ты унаследовал это. Ты можешь

касаться мест, где была смерть, и видеть её. Это дар. И проклятье.

Настя стояла у входа, не заходя внутрь.

— Нам нужно подготовить дом, — сказала она. — Мы останемся здесь на несколько дней. Мама должна восстановиться. А ты, брат, должен научиться контролировать свои ощущения.

Они провели день, разбирая вещи. В доме оказалось много старой одежды, книг, фотографий. Александр нашёл в ящике стола детский рисунок — кораблик на волнах. На обороте — подпись: «Саше от мамы. 1996».

Он приложил рисунок к груди. Внутри стало тепло. Впервые за всё время он почувствовал, что у него есть дом.

Ночью, когда все легли спать, он сидел на крыльце и смотрел на море. Чёрная вода переливалась под светом луны. Ветер доносил солёный запах, смешанный с водорослями.

И вдруг он услышал шёпот. Не голоса из тумана. Другой. Детский, ломкий. Он шёл из-под крыльца.

Александр встал, подошёл к краю, заглянул под настил. В темноте кто-то сидел на корточках. Маленькая фигура. Ребёнок. Мальчик лет семи. Он смотрел на

Александра снизу вверх большими светлыми глазами.

— Ты меня видишь? — спросил мальчик.

— Да, — ответил Александр, стараясь говорить спокойно.

— Ты первый, кто меня видит за десять лет, — мальчик улыбнулся, и в улыбке

не было жути. Только грусть. — Я жил здесь до вас. Я утонул в море. И теперь

не могу уйти. Потому что никто меня не коснулся и не сказал «прощай».

Александр протянул руку. Мальчик посмотрел на неё, потом на его лицо.

— Не бойся, — сказал Александр. — Я не сделаю тебе больно.

Мальчик коснулся его пальцев. Ледяные, как вода зимой. Но не обжигающие. И

в тот же миг Александр увидел: море, мальчик на волнах, он зовёт маму, но

никто не слышит.— Я скажу твоей маме, что ты здесь, — сказал Александр. —

Она тебя ждёт.

Мальчик покачал головой:

— Не надо. Она уже старенькая. Она не выдержит. Просто скажи ей, что я

люблю её. И передай ей ракушку. Она в моём кармане.

Александр опустил руку под настил, нащупал карман курточки мальчика. Там

действительно была ракушка. Маленькая, витая, с перламутровым отливом.

— Я передам, — сказал он.

Мальчик кивнул и начал таять, как утренний туман.

Александр сжал ракушку в кулаке. Внутри неё шумело

море.

Глава 7. «Ракушка»

Александр не спал до самого утра. Он сидел на крыльце, сжимая в руке ракушку, и слушал, как внутри неё шумит море. Не прибой, не волны — именно шум.

Как будто в ракушке была записана вся жизнь того мальчика: его смех, его крик, его последний вдох под водой.

На рассвете вышел на крыльцо Хранитель. Он сидел на перилах, скрестив ноги, и смотрел на горизонт, где небо сливалось с водой.

— Ты сделал доброе дело, — сказал он, не оборачиваясь.
— Ты отпустил душу.

Это не каждый может. Большинство людей, получив твой дар, сходят с ума. Они

начинают видеть мёртвых повсюду, не могут спать, не могут есть. Ты же —

принял. Ты крепче, чем я думал.

— Я не крепкий, — ответил Александр, глядя на свои пальцы, на которых всё

ещё оставались чёрные следы. — Я просто хочу, чтобы они перестали страдать.

Хранитель повернулся. Его белые глаза смотрели без моргания.

— Это и есть крепость. Страдать за других, но не позволять страданию съесть

себя. Таких людей мы называем Проводниками. Ты —

один из них. Немногие

выживают после первого контакта. А ты — выжил после пятого.

— Пятого?

— Морг. Смерть отца. Твоя мать. Девочка под лестницей. Мальчик под

крыльцом. Ты коснулся пяти смертей. И всё ещё стоишь на ногах.

Александр опустил голову. Он не считал. Он просто делал то, что казалось

правильным.

— Что мне теперь делать? — спросил он.

— Передать ракушку, — сказал Хранитель, вставая с перил. — Её мать живёт в

городе, в пяти километрах отсюда. У неё есть лавка с морскими сувенирами. Она

ждёт. Сама не знает, чего. Просто каждое утро смотрит на море.

Александр поднялся, убрал ракушку в карман, попрощался с матерью (она ещё

спала) и сестрой (та варила кофе на кухне) и пошёл пешком по дороге вдоль берега.

Ветер дул в лицо, пахло водорослями и мокрым песком. Он шёл и думал: если

каждый мёртвый, с которым он встретится, будет остав-

лять что-то, что нужно

передать, — на сколько его хватит?

Через час он дошёл до города. Маленького, с низкими домиками и узкими

улочками. Нашёл лавку с сувенирами. Старое здание с вывеской «Ракушка». Он

открыл дверь. Колокольчик звякнул.

За прилавком сидела женщина. Лет шестидесяти, с седыми волосами и усталыми

глазами. Она подняла голову, когда он вошёл.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я пришёл не за покупкой.

Она насторожилась:

— А за чем?

Александр подошёл к прилавку, вытащил ракушку и положил перед ней.

— Это вашему сыну она принадлежала. Он сказал, чтобы я отдал вам.

Женщина побледнела. Руки задрожали. Она взяла ракушку и поднесла к уху.

Послушала. Из её глаз покатились слёзы.

— Это он, — прошептала она. — Это его голос. Я не слышала его десять лет.

— Он сказал, что любит вас, — тихо сказал Александр.

— Он хотел, чтобы вы это знали.

Женщина заплакала, прижимая ракушку к груди. Потом посмотрела на

Александра:

— Кто вы?

— Проводник, — ответил он. — Я отвёл его туда, где ему спокойно.

Она взяла его руки, сжала их, посмотрела на чёрные следы на его ладонях.

— Вы заплатили за это, — сказала она. — Ваши руки...

— Это не больно, — сказал он, хотя боль уже начинала просыпаться в суставах.

Женщина отпустила его руки, отошла к стеллажу, взяла оттуда другую ракушку

— большую, витую, с чёрными полосами. Протянула ему.

— Возьмите. Это не от меня. Это от всех нас. Она покажет вам, куда идти дальше.

Александр взял ракушку. Она была холодной, тяжёлой. Как только пальцы

коснулись её поверхности, он почувствовал, как в голове зазвучал шёпот. Не

один голос. Сотни. Они говорили ему:

— Иди к маяку. Там — следующий. Там — твой долг.

Он поблагодарил женщину и вышел на улицу. Посмотрел на ракушку. Чёрные

полосы на ней складывались в стрелку, указывающую

вдоль берега.

И он пошёл.

Ещё пять километров по мокрому песку, под холодным ветром, с ракушкой в

руке. На горизонте вырос маяк. Старый, без света, с облупившейся краской. У

самого основания — скамейка. На ней сидел человек. Мужчина лет сорока, в форме моряка, но изношенной, с выцветшими нашивками.

Он повернул голову, когда Александр подошёл, и улыбнулся.— Ты пришёл, парень. Я ждал тебя три дня. Только ты мог меня увидеть.

Александр подошёл ближе. Мужчина был прозрачным. Тень на фоне маяка.

— Кто вы? — спросил он.

— Капитан, — ответил тот. — Я утонул у этого маяка ровно год назад. Спасал

тонущего. Спас, а сам не вынырнул. И теперь сижу здесь, смотрю на море и

никого не дождусь. Моя жена не знает, что меня нет. Она думает, я в рейсе. А ты мог бы ей сказать?

Александр посмотрел на свою руку, сжимающую ракушку. На его пальцах

чёрные следы начали разрастаться, добираясь до запястья.

— Я скажу, — ответил он. — Но я не знаю, где она живёт.
Капитан показал рукой на запад:

— Там. Дом у скалы. Окна выходят на маяк. Скажи ей,
что я люблю её. И что я
успел. Успел спасти того парня.

Александр кивнул. Развернулся и пошёл к скале.

Он шёл, и холод внутри него становился всё сильнее. Он
чувствовал, как чёрные
следы поднимаются к предплечьям, как они начинают
пульсировать в такт
сердцу.

Но он не остановился.

Потому что он был Проводником. А Проводники не бро-
сают тех, кто ждёт.

Глава 8. «Окно на маяк»

Александр дошёл до скалы через час. Ноги гудели, холод
в руках поднялся выше

локтей, кожа на предплечьях стала синеватой, с чёрными
прожилками, как

мраморная крошка. Он сжимал большую ракушку и чув-
ствовал, как внутри неё

пульсирует тепло — единственное, что согревало его в
этом ледяном мире.

Дом у скалы оказался маленьким, белым, с синими став-
нями. Окна

действительно выходили на маяк. В одном из окон горел свет.

Он подошёл к калитке. Покосившаяся, с ржавыми петлями. Толкнул — она открылась. Дорожка из ракушек вела к крыльцу. Он поднялся, постучал.

Дверь открыла женщина. Лет тридцати пяти, с уставшим лицом и красными глазами, будто она не спала несколько ночей. В руках она держала кружку с чаем, но руки дрожали.

— Вы ко мне? — спросила она, с подозрением глядя на незнакомца с бледными руками и ракушкой в ладони.

— Я пришёл от вашего мужа, — сказал Александр, стараясь говорить мягко. —

Он капитан. Он служил на этом маяке.

Женщина побледнела. Кружка выпала из рук, разбилась о порог, горячий чай растёкся по доскам.

— Что с ним? — спросила она, и голос её сорвался.

— Он погиб, — сказал Александр. — Год назад. Он спас человека. Он успел. Он хотел, чтобы вы знали: он успел. И он вас любит.

Женщина прижала ладонь ко рту, сдерживая крик. Слезы полились по щекам.

Она смотрела на Александра, и в глазах её мелькало что-то — недоверие, надежда, отчаяние.

— Откуда вы знаете? — прошептала она. — Вы его видели?

— Я Проводник, — ответил он. — Я вижу тех, кто не ушёл. Он сидит у маяка.

Он ждал, когда кто-нибудь придёт и скажет вам правду. Он сказал, что любит

вас. Каждую ночь он смотрит на ваш свет.

Она рухнула на колени на пороге, закрыв лицо руками. Александр опустился

перед ней, не касаясь её — боялся, что холод его рук передастся ей, испугает.

Она подняла голову. Посмотрела на его руки — синие, с чёрными прожилками.

— Что с вами? — спросила она.

— Плата, — сказал он, убирая руки за спину. — За то, что передаю вести.

Она вдруг схватила его за запястье, не испугавшись. Её пальцы обхватили его

руку, и он почувствовал, как её тепло проникает через холод, как оно снимает

часть тяжести с его плеч.

— Он хотел, чтобы я нашёл что-то в доме, — сказал Александр, когда она

отпустила его руку. — Вещь, которую вы могли бы пере-

дать.

Женщина поднялась, вытерла слёзы и жестом пригласила его войти.

В доме пахло деревом и сухими травами. На стенах — фотографии моря, кораблей, маяков. Она подошла к комоду, открыла ящик, достала старый бинокль в потёртом кожаном чехле.

— Он всегда брал его с собой, — сказала она. — В каждый рейс. Он говорил, что вглядывается через него в горизонт, чтобы увидеть меня. Даже если я была далеко.

Александр взял бинокль. Как только пальцы коснулись кожи, он услышал голос капитана, отчётливый и близкий:

«Скажи ей, что я видел её. Каждый день. В бинокль я смотрел на наш дом. И я

улыбался. Потому что знал — она смотрит на маяк. Мы всегда были вместе, даже когда были разделены».

Александр передал бинокль женщине.

— Он видел вас. Каждый день. Он улыбался.

Она прижала бинокль к груди и заплакала, но теперь — тихо, словно освобождаясь.

Александр вышел на улицу. Закрыв калитку. Посмотрел на свои руки. Чёрные

следы на предплечьях начали светлеть, уступая место нормальному цвету кожи.

Значит, передача вести уменьшает плату. Или он просто

привыкает.

Он пошёл обратно к маяку. На скамейке капитан всё ещё сидел, но теперь он

был почти прозрачным. Совсем лёгким, как утренняя дымка.

— Спасибо, парень, — сказал капитан. — Я свободен.

Он поднялся, шагнул в сторону моря, и его очертания растворились в солнечном

свете, пробившемся сквозь тучи.

Александр остался на пустом берегу. Один. С ракушкой в руках. Он сел на

скамейку, сжал виски, закрыл глаза. Он чувствовал, как внутри него что-то

меняется. Он больше не боялся холода. Он стал его частью.

В кармане завибрировала ракушка — та, чёрно-полосатая, от матери мальчика.

Шёпот в голове стал чётче: «Ещё один. У причала. Старый рыбак. Ты знаешь, что делать».

Он открыл глаза. На горизонте виднелся причал с одинокой лодкой.

И он встал и пошёл туда.

Глава 9. «Причал»

Александр шёл по мокрому песку, и ветер дул в спину, подталкивая вперёд. С каждым шагом чёрные следы на ру-

ках становились всё светлее — не исчезали, но теряли интенсивность. Он начинал привыкать к этому ритму: принять весть, передать, освободить.

Причал был старым. Деревянные сваи, пропитанные солью и временем, торчали из воды под разными углами, как пальцы утопленников. Одна лодка — деревянная, с облупившейся синей краской — покачивалась у края. В ней сидел старик. Очень старый. Лицо покрыто морщинами, как кора старого дуба, руки — скрюченные, с узловатыми пальцами. Он чинил сеть. Медленно, с трудом, но упорно.

Александр подошёл, остановился у самой воды. Старик поднял голову. Глаза его были выцветшими, как небо в конце осени, но в них мерцала искра.

— А, Проводник, — сказал он без удивления. — А я уж думал, не дождусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.